

Теодор Драїзер

Титан

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Theodore Dreiser
THE TITAN

Перевод с английского
В. Курелла (гл. I, IV–XIX, XLV–XLVIII),
Т. Озерской (гл. II, III, XX–XLIV, XLIX–LXII)

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Драйзер, Теодор.
Д72 Титан / Теодор Драйзер ; [перевод с английского В. Курелла, Т. Озерской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с. — (Яркие страницы).

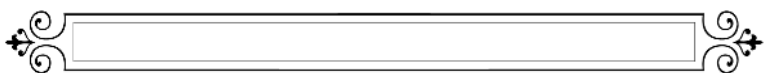
ISBN 978-5-04-107868-3

Вторая часть знаменитой «Трилогии желания» о финансисте Фрэнке Каупервуде, начавшем все сначала после филадельфийской тюрьмы. Бурлящий Чикаго и большой бизнес, политика, любовь — все подчиняется воле главного героя.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-107868-3

- © Курелла В., перевод на русский язык.
Наследники, 2020
- © Озерская Т., перевод на русский язык.
Наследники, 2020
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА I

НОВЫЙ ГОРОД

Когда Фрэнк Алджернон Каупервуд вышел из филладельфийской исправительной тюрьмы, он понял, что с прежней жизнью в родном городе покончено. Прошла молодость, а вместе с ней рассыпались в прах его первые дерзкие финансовые замыслы. Придется все начинать сначала.

Не стоит повторять рассказ о том, как новая паника, последовавшая за грандиозным банкротством фирмы «Джей Кук и К°», принесла Каупервуду новое богатство. После этой удачи его ожесточение несколько улеглось. Сама судьба, казалось, пеклась о нем. Однако карьера биржевого спекулянта внушала ему теперь непреодолимое отвращение, и он решил отказаться от нее раз и навсегда. Лучше заняться чем-нибудь другим: городскими железными дорогами, скупкой земельных участков — словом, умело использовать все безграничные возможности, которые сулит Запад. Филадельфия ему опротивела. Пусть он свободен и снова богат, но ему не избежать злословия лицемеров, так же как не проникнуть в финансовые и светские круги местного общества. Он должен идти своим путем один, ни на кого не рассчитывая, ибо если кто-нибудь из старых друзей и захочет помочь ему, то предпочтет сделать это втайне и следить за его действиями издалека. Все эти соображения побудили Каупервуда уехать. Его очаровательная любовница — ей едва исполнилось двадцать шесть лет — пришла на вокзал его проводить. Каупервуд смотрел на нее с нежностью: она была олицетворением той женской красоты, которая всегда его волновала.

— Ну, до свиданья, дорогая, — сказал он ей с ободряющей улыбкой, когда раздался звонок. — Скоро все наши неприятности кончатся. Не грусти. Через две-три недели я вернусь или ты приедешь ко мне. Я бы и сейчас взял тебя с собой, но я еще не знаю, как он выглядит, этот Запад. Мы решим, где нам поселиться, и тогда ты увидишь, умею ли я добывать деньги. Не вечно же нам жить как прокаженным. Я добьюсь развода, мы поженимся, и все будет хорошо. С деньгами не пропадешь.

Он посмотрел ей в глаза спокойным, испытующим взглядом, а она, сжав ладонями его лицо, воскликнула:

— Как я буду скучать без тебя, Фрэнк! Ведь ты для меня все!

— Через две недели я вернусь или пришлю телеграмму, — улыбаясь, повторил Каупервуд, когда поезд тронулся. — Будь умницей, детка.

Она ответила ему взглядом, полным обожания; избалованное дитя, всеобщая любимица в семье, натура страстная, пылкая, преданная, Эйлин принадлежала к тому типу женщин, который не мог не нравиться столь сильному человеку, как Каупервуд. Тряхнув копной рыжевато-золотистых волос, она послала ему вдогонку воздушный поцелуй, круто повернулась и пошла широким, уверенным шагом, слегка покачивая бедрами; все встречные мужчины оглядывались на нее.

— Видал? — кивнул один станционный служащий другому. — Та самая — дочь старика Батлера. Нам бы с тобой такую, неплохо, а?

То была невольная дань восторга, которую зависть и вожделение неизменно платят здоровью и красоте. А страсти эти правят миром.

До этой поездки Каупервуд не бывал нигде западнее Питсбурга. Финансовые операции, которыми он занимался, при всем их размахе преимущественно протекали в косном и ограниченном мире филадельфийских дельцов, известном своей кастовостью, притязаниями на первое место в социальной иерархии и на руководящую роль в коммерче-

ской жизни страны, своими традициями, наследственным богатством, приторной респектабельностью и теми вкусами и привычками, которые всем этим порождаются. Он почти завоевал этот чопорный мирок, почти проник в его святая святых, он уже был всюду принят, когда разразилась катастрофа. Теперь же он — бывший каторжник, всеми отверженный, хотя и миллионер. «Но погодите! В беге побеждает тот, кто быстрее всех, — твердил он себе. — В борьбе — самый ловкий и сильный. Еще посмотрим, кто кого одолеет». Не так-то просто его растоптать.

Чикаго открылся его взору внезапно на вторые сутки. Каупервуд провел две ночи среди аляповатой роскоши пульмановского вагона тех времен, в котором неудобства возмещались плюшевыми обивками и избытком зеркального стекла; наконец под утро стали появляться первые уединенные форпосты столицы прерий. Путь становилось все больше и больше, а паутина проводов на мелькавших в окне телеграфных столбах делалась все гуще и плотнее. На подступах к городу там и сям торчали одинокие домишки рабочих — жилище какого-нибудь предприимчивого смельчака, поставившего свою лачугу на голом месте в надежде пусть на маленький, но верный доход, который принесет ему этот клочок земли, когда город разрастется.

Вокруг стлалась гладкая, как скатерть, равнина со скудной порослью порыжелой прошлогодней травы, слабо колыхавшейся на утреннем ветру. Но местами пробивалась и молодая зелень — знамя наступающего обновления, предвестник весны. Воздух в этот день был необычайно прозрачен, и сквозь его чистый хрусталь неясные очертания далекого города проступали, словно контуры мушки в янтаре, волнуя Каупервуда тонким изяществом рисунка. Коллекция картин, собранная им, а затем пущенная с молотка в Филадельфии, доставила ему столько радостей и огорчений, что он пристрастился к живописи, решил стать настоящим знатоком и научился понимать красоту, когда встречал ее в жизни.

Железнодорожные колеи разветвлялись все чаще. На путях стояли тысячи товарных вагонов, желтых, красных, синих, зеленых, белых, пригнанных сюда со всех концов страны. В Чикаго, вспомнилось Каупервуду, словно меридианы к полюсу, сходятся тридцать железнодорожных линий. Низенькие деревянные одноэтажные и двухэтажные домики, как видно, недавно построенные и часто даже неоштукатуренные, были уже покрыты густым слоем копоти, а порою и грязи. У переездов, где скапливались вагоны конки, фургоны, пролетки с налипшей на колесах глиной, внимание Каупервуда привлекли прямые немощные улицы, неровные тротуары: тут — ступеньки и аккуратно утрамбованная площадка перед домом, там — длинный настил из досок, брошенных прямо в грязь девственной прерии. Ну и город! Внезапно показался рукав грязной, кичливой и самонадеянной речонки Чикаго. По ее черной маслянистой воде, пофыркивая, бойко сновали буксиры, вдоль берегов возвышались красные, коричневые, зеленые элеваторы, огромные желто-рыжие штабеля леса и черные горы антрацита.

Жизнь тут была ключом — он это сразу почувствовал. Строящийся город бурлил и кипел. Даже воздух здесь, казалось, был насыщен энергией, и Каупервуду это пришлось по душе. Как тут все непохоже на Филадельфию! Тот город тоже по-своему хорош, и когда-то он представлялся Каупервуду огромным волшебным миром, но этот угловатый молодой великан при всем своем безобразии был неизмеримо лучше. В нем чувствовались сила и дерзание юности. Поезд остановился, пока разводили мост, чтобы пропустить в оба направления с десятков груженных лесом и зерном тяжелых барж, и в ярком блеске утреннего солнца, лившегося в просвет между двумя горами каменного угля, Каупервуд увидел у стены лесного склада группу отдыхающих на берегу ирландских грузчиков. Бронзовые от загара, могучие здоровяки в красных и синих жилетках, подпоясанные широкими ремнями, с короткими трубками в зубах, они были великолепны. «Чем это они мне так по-

нравились?» — подумал Каупервуд. Каждый уголок этого грубого, грязного города был живописен. Все здесь, казалось, пело. Мир был молод. Жизнь создавала что-то новое. Да стоит ли вообще ехать дальше на северо-запад? Впрочем, это он решит после.

А пока ему надо навестить нескольких влиятельных чикагских дельцов, к которым у него имелись рекомендательные письма. Нужно встретиться и потолковать со здешними банкирами, хлеботорговцами, комиссионерами. Его интересовала чикагская фондовая биржа; все тонкости биржевых махинаций он знал насквозь, а в Чикаго заключались самые крупные сделки на хлеб.

Прогремев по задворкам невзрачных домишек, поезд наконец остановился у одного из многочисленных дощатых перронов. Под грохот выгружаемых сундуков и чемоданов, пыхтение паровозов, гомон снующих взад и вперед пассажиров Каупервуд выбрался на Канал-стрит и подозвал кеб, — они стояли здесь целой вереницей, свидетельствуя о том, что Чикаго — город отнюдь не провинциальный. Каупервуд велел везти себя в «Гранд-Пасифик». Это была самая дорогая гостиница, где останавливались только состоятельные люди, и потому он уже заранее решил избрать именно ее. Дорогой он внимательно рассматривал улицы, словно картины, которые хотел бы купить. Навстречу ему попадались желтые, голубые, зеленые, белые и коричневые вагончики, худые, как скелет, клячи. Каупервуда это взволновало. Вагончики были совсем дрянные — просто ярко размалеванные фанерные ящики с вставленными в них стеклами и приделанными кое-где блестящими медными бляхами, но он понимал, что, когда город разрастется, на конке можно будет нажить миллионы. Городские железные дороги были его призванием. Ни маклерские операции, ни банкирская контора, ни даже крупная игра на бирже не привлекали его так, как городские железные дороги, открывавшие широчайшие возможности для хитроумных манипуляций.

ГЛАВА II

РАЗВЕДКА

Чикаго — город, с развитием которого так неразрывно будет связана судьба Фрэнка Алджернона Каупервуда! Кому достанутся лавры завоевателя этой Флоренции Западных штатов? Город, подобный ревущему пламени, город — символ Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный Титан, Бернс среди городов! На берегу мерцающего озера лежит этот город-король в лохмотьях и заплатах, город-мечтатель, ленивый оборванец, слагающий легенды, — бродяга с дерзаниями Цезаря, с творческой силой Еврипида. Город-бард — о великих чаяниях и великих достижениях поет он, увязнув грубыми башмаками в трясине обиденного. Гордись своими Афинами, о Греция! Италия, восхваляй свой Рим! Перед нами Вавилон, Троя, Ниневия нового века! Сюда, дивясь всему, исполненные надежд, шли переселенцы из Западных штатов и Восточных. Здесь голодные и алчущие труженики полей и фабрик, лелея мечту о необыкновенном и несбыточном, создали себе столицу, сверкающую кичливой роскошью среди грязи.

Из Нью-Йорка, Вермонта, Нью-Хемпшира, Мэна стекался сюда странный, разношерстный люд; решительные, терпеливые, упорные, едва затронутые цивилизацией, все эти пришельцы жаждали чего-то, но не умели постичь подлинной ценности того, что им давалось, стремились к славе и величию, не зная, как их достигнуть. Сюда шел утонченный мечтатель, лишившийся своего родового поместья на Юге; исполненный надежд питомец Йельского, Гарвардского или Принстонского университета; вольнолюбивый рудокоп Калифорнии и Скалистых гор с мешочком серебра или золота в руках.

И здесь уже были растерянные иностранцы — венгры, поляки, шведы, немцы, русские. Смущенные незнакомой речью, опасливо поглядывая на своего соседа чуждой национальности, они селились колониями, чтобы жить среди своих.

Здесь были проститутки, мошенники, шулера, искатели приключений *par excellence*¹. Этот город наводняли подонки всех городов мира, среди которых тонула жалкая горстка местных уроженцев. Ослепительно сверкали огни публичных домов, звенели банджо, цитры и мандолины в барах. Сюда, как на пир, стекались самые дерзновенные мечты и самые низменные вожеления века и пировали всласть в этом чудо-городе — центре Западных штатов.

В Чикаго Каупервуд прежде всего отправился к одному из наиболее видных дельцов — председателю правления крупнейшего в городе банка «Лейк-Сити Нейшнл», вклады которого превышали четырнадцать миллионов долларов. Банк помещался на Дирборн-стрит, в Мунро, всего в двух-трех кварталах от гостиницы, где остановился Каупервуд.

— Узнайте, кто этот человек, — приказал мистер Джуд Эддисон, председатель правления, своему секретарю, увидев входившего в приемную Каупервуда.

Кабинет был устроен так, что мистер Эддисон, не вставая из-за письменного стола, мог видеть сквозь внутреннее окно всякого, кто входил к нему в приемную, прежде чем тот видел его, и волевое, энергичное лицо Каупервуда сразу заинтересовало банкира. Каупервуд в любых обстоятельствах умел держаться уверенно и непринужденно, чему немало способствовало его длительное и тесное общение с миром банковских дельцов и прочих финансовых воротил. Для своих тридцати шести лет он был на редкость проницателен и умудрен житейским опытом. Любезный, обходительный, он вместе с тем всегда умел поставить на своем. Особенно обращали на себя внимание его глаза — красивые, как глаза ньюфаундленда или шотландской овчарки, и такие же ясные и подкупающие. Взгляд их был то мягок и даже ласков, исполнен сочувствия и понимания, то вдруг твердел и, казалось, метал молнии. Обманчивые глаза, непроницаемые и в то же время чем-то влекущие к себе людей самого различного склада.

¹ Преимущественно (*фр.*).

Секретарь вернулся с рекомендательным письмом, а следом за ним вошел и сам Каупервуд.

Мистер Эддисон невольно привстал — он делал это далеко не всегда.

— Рад познакомиться с вами, мистер Каупервуд, — учтиво произнес он. — Я обратил на вас внимание, как только вы вошли в приемную. У меня тут, видите ли, окна устроены так, чтобы я мог все обозревать. Присядьте, пожалуйста, может быть, вы не откажетесь от хорошего яблочка? — Он выдвинул левый ящик стола, вынул оттуда несколько блестящих красных яблок и протянул одно из них Каупервуду. — Я каждое утро съедаю по яблоку.

— Нет, благодарю вас, — вежливо отвечал Каупервуд, внимательно приглядываясь к банкиру и стараясь распознать характер этого человека и глубину его ума. — Я никогда не ем между завтраком и обедом, премного благодарен. В Чикаго я проездом, но решил, не откладывая, явиться к вам с этим письмом. Я полагаю, что вы не откажетесь рассказать мне вкратце о вашем городе. Я ищу, куда бы выгоднее поместить капитал.

Пока Каупервуд говорил, Эддисон, грузный, коренастый, краснощекий, с седеющими каштановыми бакенбардами, пышно разросшимися до самых ушей, и колючими серыми блестящими глазками, благополучный, самодовольный, важный, жевал яблоко и задумчиво разглядывал посетителя. Эддисон, как это нередко бывает, привык с первого взгляда составлять себе мнение о том или ином человеке и гордился своим знанием людей. Как ни странно, но этот расчетливый делец с удивительным для него легкомыслием сразу пленился Каупервудом, личностью куда более сложной, чем он сам, и не потому, что Дрексел писал о нем как о «бесспорно талантливом финансисте», который, обосновавшись в Чикаго, может принести пользу городу, — нет, Эддисона загипнотизировали необыкновенные глаза Каупервуда. Несмотря на его внешнюю сухость, в Каупервуде было что-то располагающее, и банкир не остался к этому нечувствителен; оба они, в сущности, были, что назы-

вается, себе на уме — только филаделфиец обладал умом, дальновидностью и коварством в несравненно больших размерах. Эддисон, усердный прихожанин своей церкви и примерный гражданин на взгляд местных обывателей, был, попросту говоря, ханжа. Каупервуд же всегда брезговал носить такую маску. Каждый из них стремился взять от жизни все, что мог, и каждый на свой лад был жесток и беспощаден. Но Эддисон не мог тягаться с Каупервудом, ибо им всегда владел страх: он боялся, как бы жизнь не выкинула с ним какой-нибудь штуки. Его собеседнику этот страх был неизвестен. Эддисон умеренно занимался благотворительностью, внешне во всем придерживался тупой, общепринятой рутины, притворялся, что любит свою жену, которая ему давно опостылела, и тайком предавался незаконным утехам. Человек же, сидевший сейчас перед ним, не придерживался никаких установленных правил, не делился своими мыслями ни с кем, кроме близких ему лиц, которые всецело находились под его влиянием, и поступал только так, как считал нужным.

— Видите ли, мистер Каупервуд, — сказал Эддисон, — мы здесь, в Чикаго, такого высокого мнения о наших возможностях, что иной раз боишься сказать то, что думаешь, — боишься, как бы тебя не сочли чересчур самоуверенным. Наш город — вроде как младший сын в семье, который уверен, что он всех может заткнуть за пояс, да не хочет пробовать свои силы до поры до времени. Его нельзя назвать красавцем — он угловат, как все подростки, — но мы знаем, что он еще выровняется. Каждые полгода этот молодчик вырастает из своих штанов и башмаков, из своей шапки и курточки и не может поэтому выглядеть франтом, но под неказистой одеждой у него крепкие кости и упругие мышцы, и вы не замедлите убедиться в этом, мистер Каупервуд, как только присмотритесь к нему поближе. Вы поймете, что внешность большой роли не играет.

Круглые глазки мистера Эддисона сузились, взгляд его на мгновение стал еще более колючим. В голосе зазвучали металлические нотки. Каупервуд понял, что Эддисон ис-

кренне влюблен в свой город: Чикаго был ему дороже всякой любовницы. Вокруг глаз банкира побежали лучистые морщинки, рот обмяк, и лицо расплылось в улыбке.

— Рад буду поделиться с вами всем, что знаю, — продолжал он. — У меня есть о чем порассказать.

Каупервуд поощрительно улыбнулся в ответ. Он стал спрашивать о развитии различных отраслей промышленности, о состоянии торговли и ремесел. Обстановка здесь была иная, нежели в Филадельфии. В Чикаго чувствовалось больше широты, больше простора. Стремление к росту, к использованию всех местных возможностей было типичным для Западных штатов, что уже само по себе нравилось Каупервуду, хотя он и не решил, стоит или не стоит принять участие в этой деятельной жизни. Но так или иначе она благоприятствовала его планам. Каупервуду предстояло еще избавиться от клейма бывшего арестанта и освободиться от жены и двоих детей, только юридически, разумеется, — у него не было намерения бросить их на произвол судьбы. Деятельный, молодой и смелый Средний Запад скорее мог простить ему ту дерзость, с какою он игнорировал современный кодекс морали и отказывался ему подчиняться. «Мои желания прежде всего» — было девизом Каупервуда, но, чтобы жить согласно этому девизу, необходимо было преодолеть предрассудки других и уметь противостоять им. Каупервуд почувствовал, что сидящий перед ним банкир если и не стал воском в его руках, то все же склонен вступить с ним в дружеские и весьма полезные для него отношения.

— Ваш город произвел на меня самое благоприятное впечатление, мистер Эддисон, — помолчав, сказал Каупервуд, прекрасно сознавая, впрочем, что его слова не вполне соответствуют истине; он не был уверен, хватит ли у него духу обосноваться среди этих строительных лесов и котлованов. — Я видел его лишь из окна вагона, но мне понравилось, что жизнь здесь у вас бьет ключом. По-моему, у Чикаго большое будущее.

— Вы, насколько я понимаю, прибыли через форт Уэйн и, следовательно, видели худшую часть города, — сказал ми-

стер Эддисон спесиво. — Разрешите мне показать вам более благоустроенные кварталы. Кстати, где вы остановились?

— В «Гранд-Пасифик».

— И долго рассчитываете пробыть в Чикаго?

— Дня два, не больше.

— Позвольте. — Мистер Эддисон вынул из кармана часы. — Вы не откажетесь, вероятно, познакомиться кое с кем из наиболее влиятельных людей нашего города? Мы все обычно завтракаем в клубе «Юнион-Лиг». У нас там свой кабинет. Если вы ничего не имеете против, пойдемте со мной. Я собираюсь туда к часу дня, и мы, несомненно, застанем там кого-нибудь из наших коммерсантов, крупных предпринимателей, судей и адвокатов.

— Вот и отлично, — сразу согласился филadelphieц. — Вы очень любезны. Но раньше мне хотелось бы повидаться еще кое с кем... — Каупервуд поднялся и взглянул на свои часы. — Я сумею найти ваш клуб. Кстати, вы не могли бы указать мне, где находится контора «Арнил и К°»?

При имени этого богача, оптового торговца мясом и одного из крупнейших вкладчиков его банка, Эддисон одобрительно закивал головой. В столь молодом еще дельце — Каупервуд был по меньшей мере лет на восемь моложе его самого — банкир сразу почуял будущего финансового магната.

После свидания с мистером Арнилом — осанистым, величественным, настороженно-неприятным — и беседы с изворотливым и хитрым директором биржи Каупервуд отправился в клуб «Юнион-Лиг». Там он застал довольно пестрое общество: люди самых разных возрастов — от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет — завтракали за большим столом в отдельном кабинете, обставленном массивной резной мебелью из черного ореха; со стен на них смотрели портреты именитых чикагских горожан, а окна пестрели цветными стеклами — своеобразное притязание на художественный вкус. Среди сидевших за столом были люди дородные и тощие, высокие и приземистые, темно-волосые и блондины; очертанием скул и выражением глаз